

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Равочкин Н.Н., Качай И.С., Петров М.А. — Личные истории как результат творческой деятельности и инструмент преодоления фрагментированности повседневности: культурфилософский анализ // Философия и культура. – 2023. – № 12. – С. 36 - 47. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.12.69343 EDN: RSRLYC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69343

Личные истории как результат творческой деятельности и инструмент преодоления фрагментированности повседневности: культурфилософский анализ

Равочкин Никита Николаевич

ORCID: 0000-0003-1247-8231

доктор философских наук

профессор; кафедра истории, философии и социальных наук; Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева; профессор, кафедра педагогических технологий, Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия

650000, Россия, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28

✉ nickravochkin@mail.ru**Качай Илья Сергеевич**

ORCID: 0009-0009-7500-2493

старший преподаватель, кафедра философии, Сибирский федеральный университет; научный руководитель, Институт когнитивно-поведенческой психотерапии

660041, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, пр. Свободный, 82А, ауд. 428

✉ monaco-24-ilya@mail.ru**Петров Михаил Александрович**

ORCID: 0000-0001-7078-4865

кандидат философских наук

доцент, кафедра философии, Сибирский федеральный университет

660041, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, пр. Свободный, 82А, ауд. 428

✉ mipet@yandex.ru

[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2023.12.69343

EDN:

RSRLYC

Дата направления статьи в редакцию:

11-12-2023

Дата публикации:

18-12-2023

Аннотация: Объектом настоящего исследования является фрагментированная повседневность практик социального бытия. Предметом работы выступают личные истории, реализуемые в сторителлинге и рассматривающиеся в качестве результата творческой деятельности субъекта и способа преодоления фрагментированности повседневности современной культуры. Авторы статьи рассматривают фрагментированность повседневности как фактор десоциализации субъекта и нивелирования единых механизмов социальной интеракции. Сторителлинг определяется как способ последовательного изложения человеком различных сюжетных линий и транслирования принципов своего персонального бытия, создающий у реципиентов эффект сопричастности и пробуждающий их воображение. В исследовании обосновывается, что ресурсы сторителлинга позволяют субъекту транслировать персональные ценности, творчески проявлять свою индивидуальность за счёт виртуальной самопрезентации и реагировать на актуальные общественные запросы, тем самым преодолевая фрагментированность повседневности. В процессе осуществления настоящего научного исследования авторами задействовались компаративистский, аналитико-интерпретативный и типологический методы. В качестве выводов проведённого исследования авторы утверждают положение о том, что общественный порядок и социальное взаимодействие обуславливаются влиянием нарративов каждого субъекта на фундирование собственного бытия и формирование вектора развития всех участников интересубъективных отношений за счёт распространения принципов персонального существования в системе сторителлинга. Авторы подчёркивают творческий характер личных историй, создание и рассказывание которых выступает предпосылкой для формирования единых принципов социального бытия за счёт транслируемых представлений о социально допустимых правилах и устойчивых образцах поведения, становящихся совокупностью ритуалов. Авторы заключают, что личные истории позволяют субъекту преодолеть фрагментированную повседневность, перейти на качественно новый уровень нормативной детерминации, выработать стратегию самоидентичности и перейти от обособленного способа бытия к целостному существованию в контексте интересубъективных взаимодействий.

Ключевые слова:

личные истории, сторителлинг, нарратив, социальная интеракция, фрагментированность повседневности, социальный порядок, социальная действительность, габитус, ритуал, творчество

Существующие системы общественных отношений включают в себя новый формат понимания социальной интеракции. Развитие технической стороны современности привело к возможности реализации ресурсов сторителлинга, в рамках которого определённо становится возможным с лёгкостью транслировать ценностные предпочтения конкретного человека. Одновременно с этим любой социальные феномен,

в том числе система сториз, определяет систему правил взаимодействий, которая современными мыслителями трактуется через понятие «нарратив» [1], мыслимый в качестве рассказа, повествования о чём-либо. Применение актуальных современных ресурсов нарратива позволяет использовать влияние историй конкретных субъектов интеракции на систему общественных отношений через восприятие устоявшихся правил и норм, которые транслируются в системе сторителлинга [2].

Следует полагать, что данный социальный феномен обладает эйдетическим ресурсом, дающим возможность на практическом уровне адаптировать социальное, культурное, персональное, равно как и любое другое сообщение субъекту коллективного взаимодействия. Более того, некоторые учёные, например, А.П. Павлов [3], высказывают идею о том, что современные технические средства и способы коммуникации, в том числе и личные истории, реализуемые в сторителлинге, способны формировать целые картины мира, что формирует включённость каждой конкретной персоны в систему социального взаимодействия.

Изучение современной системы общественных связей и отношений включает в себя положение о динамике их развития и различных трудностях, так или иначе связанных с современным состоянием социального бытия. Одной из таковых является фрагментированность повседневности, что, как мы полагаем, может трактоваться как следствие развития технической стороны общества и использования ресурсов постмодернистской методологии. Однако сама по себе фрагментированность определяет наличие порядка в системе межличностных и коллективных взаимодействий, что ставит перед учёными задачу изучения такой нормативной определённости. Следует указать на то, что в рамках современной научной литературы принципиальным оказывается анализ оснований построения общества как системы. В некоторых аналитических научных разработках отмечается необходимость критического переосмысления социологизаторского подхода к общественным отношениям, суть которого связывается с социальным субстанциализмом, телеологичностью восприятия деятельности субъектов интеракции, бинарностью общественного порядка, аксиологической его окраской и ряде других принципов. Критике подвергается принцип анализа современных форм интеракции на том основании, что такой подход не позволяет увидеть и максимально эффективно оценить роль и влияние человека в системном миропонимании. Однако следует заметить, что сама идея нормирования детерминирует эффективное функционирование общественного порядка [2; 4-6].

Вместе с тем существующие трудности в изучении социального порядка в современности определяется, в первую очередь, избыточным субъективизмом и неспособностью сформировать и сформулировать общие его принципы. Так, А.П. Павлов и П.А. Павлов апеллируют к постмодернистской, в частности, фукоистской методологии для определения смысла общественного бытия. Речь идёт о ресурсах известного археологического метода, в рамках которого реализуется призыв к общественному бытию «открыться», заявить о себе и своей природе в полный голос. Это становится возможным через анализ социального порядка как способа «самообнаружения совместного-с-другими бытия, подтверждение его аутентичности» [7, с. 154]. Полагается, что общественный порядок детерминируется на уровне индивидуальных социальных субъектов, которые на примере собственного персонального бытия определяют вектор становления и развития коллективного существования. В таком ракурсе признаётся необходимость минимизации исследователя в процесс социального устройства. Последнее оказывается результатом своеобразного влияния со стороны каждой

отдельной персоны, которая транслирует собственный накопленный опыт для его восприятия другими участниками соответствующих форм интеракции.

Таким образом, бытие отдельных субъектов перестаёт быть предметом формализации, объективации и не ощущает на себе давления со стороны общественного бытия. Скорее, они становятся источниками и формами влияния на систему в целом. Кроме того, исследователями полагается, что «способы самообнаружения бытия следует искать в самом бытии» [\[7, с. 155\]](#). Социальный порядок, таким образом, проистекает из множества отдельных субъектов, которые регламентируют как собственное бытие, так и процесс становления других участников коллективного взаимодействия. Можно говорить о том, что так понимаемый порядок определяется скорее совокупностью экзистенциальных конструкторов, способов бытия-в-мире.

На этом основании можно считать, что социальный порядок имеет событийный порядок. Речь идёт о том, что формируется конкретная определённая, новый дискурс, который в дальнейшем детерминирует вектор становления новой ветки социального порядка. Таким образом, экзистенциально-онтологически следует говорить о том, что каждое конкретное социальное событие может считаться важным тогда, когда оно определяет саму принципиальную возможность выйти за пределы отдельного конкретного существования и превратиться в феномен общесоциального принципа построения и организации жизни человека [\[8\]](#).

Как итог формируются собственные солидарные миры, в которые вовлечены те или иные индивиды. Социальное взаимодействие определяется вектором становления конкретных форм дискурса, которые демонстрируются публично и определяются тем, как их воспринимают. Таким образом, фундаментальная идея Ж.-П. Сартра о том, что тревога суть не только стремление человека определить, сформировать собственную сущность, но и необходимость заботиться об окружающих субъектах социальной и иной интеракции, определяет вектор становления коллективных форм взаимодействия [\[9; 6\]](#).

Все представленные идеи и тезисы могут быть реализованы и реализуются в рамках современного дискурса в системе сторителлинга. Можно полагать, что такой социальный феномен может быть понят как «метод последовательного изложения истории, создающий в итоге эффект вовлечённости, сиюминутности и причастности к описываемому событию у читателя (зрителя). С этой позиции к сторителлингу относится всё, что обладает сюжетом (истории из жизни, интересные случаи, сказки и т.д.). Кроме того, этим термином можно обозначить неформальный способ передачи опыта, знания, инсайдерской информации» [\[10, с. 146\]](#). Сам принцип трансляции информации определяет передачу не только и не столько самых общих данных о человеке и его образе, сколько о том, по каким принципам персона существует. Технические средства трансляции информации позволяют распространить нормы персонального существования, которые могут быть усвоены и применены в качестве рабочих оснований жизни другими социальными существами.

Сторителлинг как интерактивная творческая деятельность в аспекте использования слов и действий призвана выявлять элементы и всё многообразие образов истории, что приводит к возможности пробуждения воображения слушателя. Как следствие публика, воспринимающая сториз как социально значимый продукт, ожидает стать свидетелем занимательной истории, которая, в свою очередь, даёт возможность сформировать идентичность конкретного социального феномена. При этом таким феноменом может оказаться как отдельный рекламируемый товар, так и сам человек, образ которого

становится своего рода брендом, способом существования, что воспринимается в качестве правильного, эффективного и достаточно полезного [\[5; 8\]](#).

Заметим, что представленная логика размышлений определяет вектор становления социальной ткани через призму персонального существования и трансляцию норм отдельного человека. Именно в таких способах значимой оказывается необходимость обращения к опыту конкретного человека, принципы существования которого мыслятся и воспринимаются в качестве правильных и доступных. Формирование солидарных миров и вовлечение в них отдельных индивидов определяет саму возможность поиска общих принципов организации общественных отношений. Проблемное поле современности, как полагают некоторые современные исследователи, включает в себя положение о фрагментированности повседневных практик и уход персонального существования социального субъекта в область частного бытия. Это имеет значимые проблемы для коллектива в целом, поскольку происходит разрыв общих принципов взаимодействия людей.

Одним из способов преодоления представленной ситуации можно считать использование ресурсов сторителлинга и трансляции личных историй через систему технических средств. Как мы видим, использование таких сториз имеет ресурс формирования конкретного опыта в организации социально приемлемого образа персонального существования. При этом важно помнить о том, что такая форма самопрезентирования имеет ряд преимуществ, среди которых можно отметить нижеследующие:

1. Возможность быстрой ответной реакции на актуальные социальные запросы общества. Это даёт возможность транслировать личные истории по наиболее актуальным, насущным вопросам. Решение последних позволяет на персональном и коллективном уровнях сформулировать и принять наиболее эффективные и социально приемлемые формы и нормы взаимодействия, сформировав, тем самым, принципы коллективного бытия.

2. Массовость воздействия со стороны транслятора формируемого образа. Полагается, что современные средства трансляции информации апеллируют к достаточно широкому кругу людей, которые воспринимают получаемые знания таким образом, чтобы они могли быть применены на практике.

3. Простота восприятия. Значимость такого свойства определяется визуальными формами трансляции информации. Таким образом, не только широта охвата, но, в первую очередь, простота восприятия определяет возможность влияния личных историй на широкие массы воспринимающих и страждущих увидеть «правильные» модели поведения [\[11; 12; 4; 8\]](#).

На основании всего сказанного следует сделать вывод о том, что личные истории могут быть своеобразным основанием для выработки общих оснований социального бытия, поскольку дают возможность сформировать представления о допустимых моделях поведения, образах и принципах учреждения социально приемлемых способов поведения. Говоря о рассказывании историй, имеет смысл полагать, что они дают возможность сформировать самые общие основания для создания единых способов поведения. Фрагментированность повседневности как диагноз современного общества оказывается средством преодоления самой себя. Речь идёт о том, что сторителлинг как рассказывание истории реализуется в частных формах. Однако сформированный образ, как указывалось выше, оказывается доступным, вполне рабочим и реализуемым в ряде условий социального существования каждым из его участников [\[5\]](#).

В современной научной литературе отмечается, что имеет смысл разделять социальную действительность и реальность. Первый термин предполагает всё многообразие проявлений жизни людей, даже тех, с которыми они себя не отождествляют, так или иначе высказывая негативные или нейтральные формы отношений. Социальная реальность включает в себя «только те стороны и проявления общественной и индивидуальной жизни, которые связаны между собой единым идентифицирующим началом» [\[13, с. 112\]](#). Использование термина «социальная реальность» позволят указать на абсолютно полную включённость в неё социального субъекта. Из этого следует, что творческое формирование и рассказывание личных историй является элементом именно социальной реальности, поскольку в ней рассказчик создаёт целостную картину и систему представлений, которые для него мыслятся и воспринимаются в качестве базовых, принципиальных.

Более того, следует полагать, что в отличие от социальной действительности, в реальности невозможным оказывается выход за пределы субъективного восприятия. Однако следует понимать, что каждая отдельная история, будучи дискурсом, онтологически предполагает формирование таких форм языка и нормативного измерения, которое способно перевести социальную реальность сториз в разряд социальной действительности. Такой переход осуществляется путём распространения сформированных принципов отдельных субъектов на всеобщий, коллективный образ действия. Таким образом, можно говорить о том, что социальные реальности, описываемые в разных личных историях, предполагают необходимость критического переосмысления, объективизации через него для выхода к более-менее адекватным и универсальным принципам коллективным формам бытия [\[4; 11\]](#).

Помимо этого, в литературе отмечается перспективность использования понятия «социальная реальность», поскольку она «содержит инвариант (алгоритм, матрицу, социокод), который сохраняется в многочисленных социальных изменениях и трансформациях. Поэтому социальная реальность содержит в себе не только действительную реальность, но и возможную реальность, поскольку можно предположить, что инвариант проявит себя в будущем» [\[13, с. 112\]](#). В отношении личных историй представленная логика позволяет говорить о том, что личные истории содержат в себе нарратив, который позволяет сохранить их самотождественность в системе множества других личных историй. Такой нарратив делает личную историю воспроизводимой самим субъектом, её рассказывающим, а также другими субъектами, теми, кто её воспринимают и транслируют в собственных формах социального существования.

Вместе с тем личные истории адаптивны, располагают ресурсом к тому, чтобы применяться к различным ситуациям, в которых они могут быть использованы. Субъект личной истории как её источник адаптирует собственный образ в форме истории, тем самым выстраивая стратегию идентичности с собственным образом в исторической ретроспективе и перспективе. Такой же логике подчиняется деятельность воспринимающих данную личную историю субъектов. Как мы видим, личные истории имеют ресурс не только статистический, содержащий в себе основания для регламентации моделей поведения в конкретных условиях общественного бытия, но также и динамический, дающий возможность адаптировать такие нормы в исторической ретроспективе.

Заметим, что обе части личных историй инкорпорируют систему регламентирующих правил. Такая легитимизация «достигается не столько через диктат жёстких

императивов, сколько благодаря включённости индивидов в символическое пространство социального порядка, устроенное и размеченное таким образом, что каждый его сегмент выполняет определённую роль означаемого, некоего идентифицирующего фокуса» [\[13, с. 113\]](#). Следует полагать, что природа личных историй, поскольку транслируется через систему соответствующих технических средств, имеет символическую природу, что в определённой степени позволяет использовать образы и системы представлений о допустимых моделях поведения в самой наглядной форме. Символизм в личных историях позволяет связать личный нарратив с имеющимися правилами его прикладного воплощения, что делает возможным распространить устоявшиеся в персональной истории правила на модели поведения многих социальных субъектов. Таким образом, личные истории способны преодолевать обособленность социальных субъектов и фрагментированность повседневных практик социального бытия.

Вместе с тем имеет смысл говорить о том, что повседневные практики, пусть и в форме избыточно фрагментарных и персональных способов существования, тем не менее, должны исполняться в максимально эффективной форме. Это становится возможным на основании стереотипизации стандартных практик общественного бытия отдельного субъекта. В рамках известных идей П. Бурдье, «практика – это всё то, что социальный агент делает сам и с чем он встречается в социальном мире... Следовательно, можно сказать, что практика является изменением социального мира, производимым агентом» [\[14, с. 552-553\]](#). Демонстрация личных историй в форме практик можно считать такими же практиками, как и чтение лекций, производство материальных и нематериальных благ или услуг, проведение дискуссии, в целом – любых социальных действий.

Любые социальные практики, в том числе личные истории, нормируют поведения человека в интерсубъективных отношениях, что становится возможным благодаря габитусу, который понимается как «система диспозиций, порождающая и структурирующая практику агента и его представления» [\[15, с. 85\]](#). Использование таких габитусов формирует общие основания социальных практик. Личные истории, будучи социальными практиками общества постмодерна, основанного на идее фрагментированности повседневности, определяют векторы становления образов привычного в деятельности человека и целых коллективов. Помимо всего прочего, сама идея габитуса содержит в себе указание на наличие в личных историях как социальных практиках привычки, своего рода ритуала, которая руководит и до определённой степени направляет деятельность человека. Здесь, в этой области, формируется сфера социального воспроизводства, в которой в актуальных условиях происходит поддержание, восстановление и развитие совершенно различных возможностей, равно как и способностей человека [\[16\]](#). Такие формы проявления габитуса призваны сохранить человеческие свойства, позволяющие социальным субъектам максимально эффективно выполнять требования, которые им предъявляет общество.

В самом общем виде представленные требования формируют ритуалы, которые в дальнейшем реализуются конкретными субъектами интерсубъективных отношений для повышения эффективности такого взаимодействия. Ритуалы формируют социальную реальность, создавая в ней социальную действительность. Личные истории, с нашей точки зрения, понимаемые как элемент общественной реальности, детерминируют в той или иной форме определённые модели поведения. Личностное начало в последних мыслится как неотъемлемое свойство. Однако наличие ритуала как базового свойства позволяет свести личностное к стереотипным моделям поведения, причём сделать это таким образом, что личная история из прообраза переходит в область массовых практик.

Как мы видим, на уровне габитуса в личных историях заложено центральное противоречие современного общества, одна сторона которого определяется беспрецедентной изменчивостью и подвижностью, а также временным характером деятельности. С другой стороны, опыт повседневности укореняется в исторической перспективе как ретроспективно, так и прогрессивно, что «вооружает людей привычками, ожиданиями, определёнными алгоритмами действий и тем самым обеспечивает не только устойчивость существования общества, но и делает жизнь человека безопасной и комфортной» [17, с. 168]. Из сказанного следует, что имеющиеся в личной истории сценарии поведения за счёт закрепления в человеке привычки действовать определённым образом позволяет сформировать устойчивые образцы поведения и таким образом регламентировать действия каждого из участников социальной интеракции. Проживая множество совершенно разнообразных идентификаций и жизненных стилей через наблюдение за личными историями в сети Internet, каждый отдельный социальный субъект наполняет свою жизнь яркими переживаниями. Присвоив новую нарративную форму, автономные субъекты-коммуникаторы в глобальной паутине детерминируют привычки и создают, таким образом, совокупность ритуалов, которые дают возможность выйти из фрагментированной повседневности в область постоянства и нормативной детерминации.

Ритуалы в личных историях тесно связаны с трансляцией ценностей, которые так или иначе воспринимают зрители этих сториз [18]. Через трансляцию таких коротких видеосообщений становится возможным сформировать ценностную картину мира, причём сделать это целенаправленно и организовано с целью повышения качества закреплённости стереотипов поведения и действий людей в конкретных ситуациях. Следует полагать, что Ю.А. Хмарина справедливо определяет роль любого ритуала, в том числе того, который заложен в структуре личных историй. Учёный считает, что ритуал, который «заключается в создании и поддержании солидарности внутри групп, чувства групповой принадлежности, мы будем называть социальным. Цель такого ритуала связана с поддержанием социальной структуры общества через воспроизведение социально значимых форм поведения» [19, с. 59]. Наличие таких чётко поставленных целей делает из личной истории не только и не столько результат персональных устремлений и реализации частной жизни. Сториз становится достоянием общественности, формирует целые социальные группы (по интересам), т.е. создаёт систему социальных детерминант, преодолевая таким образом фрагментированность повседневности современной культуры.

Как итог могут быть сформированы так называемые исторические константы, на основании которых становится возможным бороться с избыточной индивидуализацией и фрагментированной повседневностью [20]. То же основание становится фактором становления исторического сознания. В этом отношении имеет смысл говорить о том, что личные истории становятся важным структурным элементом современного общественного пространства. Они суть выражение социальной реальности, субъективные по своей природе, что, однако, не мешает им выполнять функции минимизации последствий фрагментированности повседневности.

С одной стороны, сториз формируют целостный образ конкретного отдельного человека, создавая в нём субъективные способы существования, которые, к тому же, разделены на отдельные фрагменты. Однако в процессе личных историй формируется целое представление о нормативно закрепляемых и одобряемых моделях поведения, которые становятся, в свою очередь, совокупностью привычек и ритуалов. Каждый из последних

использует сформированный сториз нарратив для перехода от субъективного и субъектного способа существования социальности к подлинно коллективному принципу организации общества как системы. Всё это влечет за собой возможность преодолеть фрагментированность современной повседневности и создание цельного интересубъективного взаимодействия.

Библиография

1. Симакова С.И., Енбаева А.П. Сторителлинг как приём журналистской работы // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 1(31). С. 110-117.
2. Mišić M., Kujundžić N. *Energy Humanities. Current State and Future Directions*. Cham: Springer, 2020. 216 p. doi: 10.1007/978-3-030-57480-2
3. Павлов А.П. Картины мира и дискурсивный порядок // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 5. С. 12-16.
4. Acerbi A. *Cultural Evolution in The Digital Age*. Oxford: Oxford University Press, 2020. 273 p. doi: 10.1093/joc/jqaa038
5. Biancofiore A. *Re-Storying Mediterranean Worlds: New Narratives from Italian Cultures to Global Citizenship*. London: Bloomsbury Academic, 2021. 232 p.
6. Pearsall Sarah M.S. *Polygamy: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2022. 168 p.
7. Павлов А.П., Павлов П.А. Онтосоциальный дискурс как альтернатива социологизму в исследовании социального порядка // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 7(81). С. 152-155.
8. Abell C. *Fiction: A Philosophical Analysis*. Oxford: Oxford University Press, 2020. 208 p. doi: 10.1093/jaac/kpab044
9. Eriksson Y., Göthlund A. *Foundations of Visual Communication: How Visuals Appear in Daily Life*. New York: Routledge, 2023. 142 p. doi: 10.4324/9781003170037
10. Анохина А. М. Феномен мультимедийного лонгрида и digital storytelling в сетевых медиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 2(24). С. 146-150.
11. Bryson M. *The Routledge Companion to Humanism and Literature*. New York: Routledge, 2022. 310 p.
12. Cowan K., Ketron S, Kostyk A. *The Reality of Virtuality: Harness the Power of Virtual Reality to Connect with Consumers*. Berlin/Boston: De Gruyter, 2023. 170 p.
13. Павлов А.В., Дёмина Н.А. Воспроизводство социальной реальности // Актуальные проблемы социальных и гуманитарных наук. 2011. № 9. С. 111-118.
14. Шматко Н.А. На пути к практической теории практики. Послесловие // Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. С. 548-562.
15. Резник Ю.М. Человек и его социальные практики // Интелрос. 2008. № 4/6. С. 84-102.
16. Баранов В.А. Социальное воспроизводство и факторы его обеспечивающие // Таврический научный обозреватель. 2016. № 4(9). С. 144-148.
17. Мясникова Л.А., Дроздова А.В., Архипова Ю.В. Визуальная репрезентация повседневности в современном медиаобществе // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 168-172.
18. Кузьменков В.А. Ритуалы как факторы возникновения ценностей // Социально-политические науки. 2018. № 1. С. 152-157.
19. Хмарина Ю.А. Воспроизводство социального посредством ритуала // Вестник

Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 59-62.

20. Мерзлякова И.Л. Социокультурные константы и их роль в процессе формирования исторического сознания // Гуманитарные и социальные науки. 2021. №5. С. 13-17. doi: 10.18522/2070-1403-2021-88-5-13-1

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья принадлежит к весьма обширной уже сегодня и всё разрастающейся области «исследований повседневности». Автор стремится обосновать тезис о способности «личных историй» преодолевать «фрагментированность повседневности» и достигать «целостности intersubъективного взаимодействия». Правда, лишь часть представленного текста соответствует этой теме, заявленной в названии материала, и местами автор столь далеко от неё отходит, что возникает впечатление, будто он в границах одной публикации стремится заявить обо всех своих «научных убеждениях». Например, зачем вдруг он говорит о «трудностях в изучении социального порядка в современности» (не обращаем пока внимания на стилистические погрешности), об «избыточном субъективизме и неспособности сформировать и сформулировать общие его принципы», и т.п.? Далее, в тексте просто бросаются в глаза неуместные «заимствования», побуждающие вспомнить слова Н.Я. Данилевского о «русской болезни европейничанья»: «система сториз», «сторителлинг» и т.п. Несут ли все эти «модные» слова какой-либо дополнительный смысл, который невозможно было бы выразить и без их участия? Неуместные заимствования, впрочем, составляют лишь часть тех стилистических проблем, которые мешают читателю воспринимать конструктивное содержание рецензируемого материала. То и дело появляются «развитие технической стороны современности», «следствие развития технической стороны общества», и т.п. совершенно искусственные выражения. Несколько раз повторяется вводное «следует полагать, что...» (следует сказать, заметить, и т.п.?). А вот «определённо становится возможным», усиленное с помощью «...приводит к возможности пробуждения воображения», побуждает вспомнить уже о стиле речи некоторых булгаковских персонажей, воспроизводивших клише своего «интеллигентного» окружения. На этом фоне «социальный порядок имеет событийный порядок» кажется лишь техническим упущением, а нарушение согласования в «...связывается с социальным субстанциализмом ... и ряде других принципов» (рядом других принципов?) – следствием избыточной сложности синтаксических конструкций, с трудом осваиваемых автором рецензируемой статьи. Конечно, в статье присутствует некоторое содержание, автор указывает на значимость проявлений субъективности в процессе коммуникации на становление социальных отношений, но содержание это выражено столь безыскусно, что подобный текст невозможно рекомендовать к печати, пока он не будет основательно переработан, пока из него не будут исключены, в частности, все составляющие, не соотносящиеся с заявленной темой и лишь отвлекающие внимание читателя. Следует также указать и на весьма поверхностную манеру использования литературы, которая (подобно «заимствованиям») преследует, кажется, лишь цель продемонстрировать эрудицию автора и его «включённость» в тему. На основании сказанного рекомендую отправить статью на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Личные истории как результат творческой деятельности и инструмент преодоления фрагментированности повседневности: культурфилософский анализ» выступает практика сторителлинга, определяемая автором как «метод последовательного изложения истории, создающий в итоге эффект вовлечённости, сиюминутности и причастности к описываемому событию у читателя (зрителя). С этой позиции к сторителлингу относится всё, что обладает сюжетом (истории из жизни, интересные случаи, сказки и т.д.)». Автор статьи справедливо полагает, что размещение в социальных сетях личных историй является одной из новых социальных практик, которая может и должна быть осмыслена при изучении актуальной социальной реальности.

Методология исследования, применяемая автором статьи, заключается в обобщении существующих работ по названной проблеме, а также осмыслении собственного опыта восприятия сотрииз.

Актуальность исследования связывается автором с ускоряющейся динамикой современного состояния социального бытия и его принципиальной фрагментированностью, для осмысления которых необходимо применять принципиально новые подходы и материалы.

Научная новизна заключается в использовании системы сторителлинга в качестве материала для изучения социальной реальности.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований. Обращаясь к такому феномену, как сторителлинг автор дает исчерпывающее определение этому новому для социальных исследований феномену, относя его к формам саморепрезентирования личности и способам социальных взаимодействий. Хотя в статье достаточно активно используется новая лексика, текст не перегружен ею и достаточно легок для чтения.

Структура и содержание статьи полностью соответствуют заявленной теме. Автор последовательно обосновывает центральный тезис исследования – личные истории могут быть поняты как элемент общественной реальности, детерминирующий в той или иной форме определённые модели поведения. В написании или съёмках таких историй проявляется творческое начало личности и обнаруживается целостная картина мира носителя, поскольку рассказчик истории, вписывает ее в систему представлений, которые для него мыслятся и воспринимаются в качестве базовых. Чтение личных историй, их комментирование, общение по их поводу образует внеличный опыт участников коммуникаций. Наблюдая за историями в сети Internet, каждый из нас наполняет свою жизнь яркими переживаниями и новыми впечатлениями, которые мы не могли бы получить из повседневного опыта. Через нарративную форму личных историй, люди приобретают новые социальные стереотипы, привычки и создают «совокупность ритуалов, которые дают возможность выйти из фрагментированной повседневности в область постоянства и нормативной детерминации». Автор показывает, что система сторителлинга позволяет связать опыт, почерпнутый в реальных социальных взаимодействиях личности с имеющимися описаниями из сториз, что делает индивидуальные модели поведения образцами для поведения групп, формирует устойчивые правила и модели поведения. Таким образом, личные истории способствуют солидаризации социальных субъектов и обеспечивают интеграцию повседневных социальных практик.

Библиография статьи включает 20 наименований работ как отечественных, так и

зарубежных авторов, посвященных рассматриваемой проблеме.

Апелляция к оппонентам присутствует в исследовании. Автор обращается к работам А.П. Павлова, П. А. Павлова, Анюхиной А. М., Симаковой С.И., Енбаевой А.П., в которых присутствуют исследования системы сторителлинга.

Статья будет интересна социальным философам, социологам, исследователям современной культуры, в том числе ее сетевого фрагмента.